

УДК 811.161.1

Екатерина Александровна Зуева

преподаватель каф. общего и русского языкознания

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Ekaterina Zueva

Lecturer in the Department of General and Russian Linguistics

of the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru

**ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ УНИВЕРБОВ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Исследуются происхождение, историческое и современное словообразование универбов в русском и белорусском языках. Обращается внимание на сходство и различие универбов в близкородственных языках в плане диахронического и синхронического словообразования.

Ключевые слова: универбация, универб, диахроническое словообразование, синхроническое словообразование, членимая основа, нечленимая основа, производная основа, непроизводная основа, адъективно-субстантивное словосочетание, суффиксация, заимствование.

**Diachronic and Synchronic Approaches for Examination of Univerbs
in Russian and Belarusian Languages**

The origin, historical and modern word formation of departments in Russian and Belarusian are studied. Attention is drawn to the similarities and differences of departments in closely related languages in terms of diachronic and synchronic word formation.

Key words: univerbation, univerb, diachronic word formation, synchronic word formation, chlenimy basis, nechlenimy basis, derivative basis, non-productive basis, adjektivno-substantive slovovosochetaniye, sufiksation, loan.

Введение

Процесс универбации является предметом научного анализа на протяжении длительного времени, однако, по замечанию А. А. Лукашанца, «несмотря на существование большого количества исследований и достаточно большой диапазон точек зрения в данной области... нельзя утверждать, что основной круг аспектов универбации получил однозначную и общепринятую интерпретацию» [1, с. 249]. Поэтому представляется возможным рассмотрение процесса универбации в русском и белорусском языках в диахроническом и синхроническом аспектах.

Традиционно универбация относится к сфере синхронного словообразования: «при синхронном подходе... отличительной чертой универбации является факт существования в языке многословной номинации, которая находится в мотивационном и синонимическом отношениях с универбом» [2, с. 43], т. е. словопроизводственная взаимосвязь с исходным адъективно-субстантивным словосочетанием происходит в одном и том же временном пространстве.

О необходимости разграничения процесса универбации в диахронии и синхронии говорит Е. А. Карпиловская, подчеркивая, что «для анализа универбов необходимо определить плоскость их рассмотрения во временной перспективе» [3, с. 169]. Отметим, что на универбацию в диахроническом и синхроническом аспектах обращали внимание Г. Ф. Вештарт [4] и Л. В. Копоть [5].

Прототипические модели универбации, возникшие еще в языке древнерусского периода, находим в работе Ю. С. Азарх [6]: *вьрбъница* ← *вьрбъная недѣля* [6, с. 23], *выпашка/выпашки* ← *выпаханная земля* [6, с. 65], *врѣмьенникъ* ← *книги временные* [6, с. 96], *бѣлочник* ← *бѣлочный окладъ*, *виноградникъ* ← *виноградный садъ*, *волховникъ* ← *книгы вѣлховныя*, *скудѣльникъ* ← *съсуд скудѣльный* [6, с. 99], *квасникъ* ← *квасной мѣхъ*, *корабленикъ* ← *корабленной золотой* [6, с. 100], *квасоварня* ← *квасоваренная башня*, *кожевня* ← *варица кожевная* [6, с. 186], *каменка* ← *каменная печь*, *кислуха* ← *кислая трава* [6, с. 188]. У Г. Ф. Вештарт встречаем пример: *buchonъ* ← **buchonъ xlebъ* [4, с. 174]. Следовательно,

еще на ранних стадиях развития общеславянского языка прослеживалась тенденция к экономии языковых средств посредством универбации.

В статье проводится анализ универбов в русском и белорусском языках с позиции диахронии и синхронии. Материалом исследования послужили русские и белорусские универбы, зафиксированные толковыми словарями и встретившиеся в языковых корпусах. При анализе универбов использовались этимологические и словообразовательные словари*.

Основная часть

Анализ языкового материала показал, что универбы в двух близкородственных языках с позиции диахронии и синхронии можно рассматривать, учитывая этимологию и произошедшие изменения в словообразовании универбов. На основе фактического материала выделены следующие группы и типы универбов:

1. Слова-универбы, имеющие славянское происхождение (праславянские, восточнославянские, собственно-русские), которые делятся на следующие типы:

1. Универбы с позиции диахронии образованы на базе адъективно-субстантивных словосочетаний с суффиксацией и являются суффиксальными производными с точки зрения синхронного словообразования. В современных русском и белорусском языках выделяются следующие дериваты:

а) отсубстантивные. Модель: рус. = бел. [N <= {A + [N] + suf} < /S_{suf} ← S/]: рус. **ночница** – 1. Ночная бабочка 2. Мелкая летучая мышь (~ *ночная мышь*) (МАС, т. 2, с. 512) < *ноч-ниц-а* ← *ночь* (ССРЯ, т. 1, с. 677) = бел. **начніца** – 1. Летучая мышь (~ *начная мыш*). 3. Абл. *Начная зорка* (ТСБМ, т. 3, с. 339) <= 'які вядзе начны спосаб жыцця', хутчэй за ўсё ўтворана ў выніку семантичнай кандэнсацыі спалучэнняў тыпу *начная птушка, начная мыш* і пад. Да *начны* (ЭСБМ, т. 7, с. 286) < *нач-ніц-(а)* ← *ноч* (ССБМ, с. 207); рус. **роевня** Пчел. – обтянутое холстом лукошко, в которое сажают пчелиный рой для пересадки в новый улей (~ *ройный улей*) (МАС, т. 3, с. 725) <

рој-ев/н-я [*роевня*] и *рој-ов/н-я* [*роёвня*] ← **рой** (ССРЯ, т. 2, с. 47) = бел. **раёўня** – абцягнутая тканінай лубянка, у якую збіраюць пчаліны рой для перасадкі ў новы вулей (ТСБМ, т. 4, с. 562) || **райнік** – абцягнуты палатном кошык для лоўлі роя, які вылецеў з вулля (ТСБМ, т. 4, с. 631) || **райніца** – тое, што і **райнік** (ТСБМ, т. 4, с. 631) ← *ройны вулей* (ТСБМ, т. 4, с. 714) <= імаверна, семантычная кандэнсацыя састаўной назвы **ройны вулей** (ЭСБМ, т. 11, с. 72) < *ра-ёўн-(я)* [*рай-оўн-(я)*], *рай-нік* и *рай-ніц-(а)* ← **рой** (ССБМ, с. 298); рус. <...> Отсюда и название – Масленица или **Сырница** (НКРЯ) ← *сырная неделя* (ЭСБМ, т. 13, с. 122) = бел. **сырніца** 'апошні тыдзень перад вялікім пастам' ← *сырная нядзеля* (ЭСБМ, т. 13, с. 122) <= болгарское **сирна неделя**, вынік семантичнай кандэнсацыі. Да *сыры* ← *сыр*. (ЭСБМ, т. 13, с. 122);

б) отадъективные. Модель: рус. = бел. [N <= {A + [N] + suf} < /S_{suf} ← A/]: рус. **водянка** – скопление жидкости в тканях и полостях тела при болезнях сердца, почек и т. д. (~ *водяная болезнь*) (МАС, т. 1, с. 194) <= восточнославянское, суффиксальное производное на базе выражения **водяная болезнь** (КЭСРЯ, с. 87) < *водян-к(а)* ← *водяной* I прил. (ССРЯ, т. 1, с. 180) = бел. **вадзянка** – 1. Хвароба, пры якой у тканках і поласцях цела збіраецца вадкасць (~ *вадзяная хвароба*) <= суфіксальнае ўтварэнне, узніклае як вынік кандэнсацыі словазлучэння **вадзяная хвароба** (ЭСБМ, т. 2, с. 18); рус. **масленица** – языческий многодневный праздник проводов зимы у древних славян и других народов, приуроченный христианской церковью к неделе перед так называемым великим постом и отмечаемый печением блинов и различными увеселениями (~ *масленая неделя*) (МАС, т. 2, с. 232) <= восточнославянское, образовано от прилагательного **масленая (неделя)** при помощи суффикса **-ица** (КЭСРЯ, с. 257) < *маслен-иц(а)* ← **масленный** (ССРЯ, т. 1, с. 576–577) = бел. **Масленіца** – свята провадаў зімы ў старажытных славян і іншых народаў, аднесенае хрысціянскай царквой на нядзелю перад так званым «вялікім поста́м» (~ **масленая нядзеля**) (ТСБМ, т. 3, с. 117) <= усходнеславянскае, утварылася ў выніку намінацыі са словазлучэння **масляная седмица** (ЭСБМ, т. 6, 246–247);

*Источники материала – в списке условных обозначений и сокращений.

в) в русском языке встретился от-субстантивный производный универб, которому в белорусском языке соответствует универб, образованный на базе адъективно-субстантивного словосочетания с суффиксацией. Модель: рус. [N <= {A + [N] + suf} < /S_{suf} ← S/] ≠ бел. [N <= {A + [N] + suf} < /A + [N] + suf/]: рус. *веснянка*¹ – *весенняя* лирическая обрядовая *песня* (у восточных славян) (НСРЯ, т. 1, с. 163) < *веснянк-а* ← *весна* (ССРЯ, т. 1, с. 157) ≠ бел. *вясянянка* – абрадавая *веснавая песня* (ТСБЛМ, с. 175) <= ‘*вясенняя песні, якія спяваюцца ў карагодах ад благавешчання да ўзнясення*’. Усходнеславянская лексема, ус-творенная ў выніку семантычнай кандэнсацыі выражэння *вясенняя песня* (ЭСБМ, т. 2, с. 329) < *вясянян-к(а)* ← *вясяняя песня* (ССБМ, с. 83).

2. Универбы русского языка, образованные от существительных с точки зрения диахронического словообразования, основы которых ранее были членимыми, производными и являются нечленимыми, непроизводными в современном русском языке, но корреляты в белорусском языке представлены как суффиксальные производные. Модель рус. [N <= {N + suf} < /S/]) ≠ бел. [N < /S_{suf} ← S/]: рус. *парусина* – грубая плотная льняная или полульняная ткань полотняного переплетения, идущая на чехлы, спецодежду, палатки и т. п. (первоначально употреблялась для парусов) (~ *парусная ткань*) (МАС, т. 3, с. 27) <= из древнерусского *парусь* (ЭСРЯ, т. 3, с. 210) < 150. *Парусин(а)* (ССРЯ, т. 1, с. 724) ≠ бел. *парусіна* – грубая мощная льняная тканіна, якая першапачаткова ішла толькі на выраб парусоў (~ *парусная тканіна*) (ТСБМ, т. 4, с. 62) < *парус-ін-(а)* ← *парус* (ССБМ, с. 240).

3. Универбы, образованные от прилагательных, представлены следующими типами:

а) атадъективные образования с позиции диахронического и синхронического словообразования в двух языках. Модель: рус. [N <= {A / A + N + suf}] < /S_{suf} ← A/] = бел. [N < S_{suf} ← A/]: рус. *свежати́на* Прост. – то же, что *свежени́на* (МАС, т. 4, с. 39) || *свежени́на* Разг. – *свежее мясо* (в противоположность соленому, копченому) (МАС, т. 4, с. 39) || *свежина* Обл. – то же, что *свежени́на* (МАС, т. 4, с. 40) < *свеж-атин-а*, *свеж-ин(а)* и *свеж-енин(а)* ← *свежий*

(ССРЯ, с. 2, с. 75) <= *свежени́на* – происходит от прилагательного *свежий* из праславянского, от которого произошли древнерусское *свѣжъ*, белорусское *свежы* (ЭСРЯ, т. 3, с. 571), *свежина* – *свежая свинина*; образование, аналогичное *ветчина* (ЭСРЯ, т. 3, с. 571) = бел. *свежані́на* Разм. – то же, что *і свежына* (ТСБЛМ, с. 739) || *свежы́на* – *свежее мясо, сала* (ТСБЛМ, с. 739) < *свеж-анін-(а)* и *свеж-ын-(а)* ← *свежы* (ССБМ, с. 321);

б) слова, образованные суффиксальным способом от прилагательных, ранее имеющие членимую основу и являющиеся непроизводными с нечленимой основой в современном русском языке, но представленные как субстантивные образования, имеющие членимую основу в современном белорусском языке. Модель: рус. [N <= {A} < /S/]) ≠ бел. [N < /S_{suf} ← S/]: рус. *опричьнина* Ист. – 1. В удельной Руси XIII–XV вв. часть удела, выделенная в особое владение (напр., часть, выделенная вдове князя в пожизненное владение) (~ *опричные земли*). 2. Часть Московского государства, выделенная в 1565 г. царем Иваном Грозным в особый, находившийся в его непосредственном управлении, удел с особым административным аппаратом и особым войском (~ *опричные земли*). 3. Система внутривластных мер Ивана Грозного (в 1565–1572 гг.) для борьбы с княжеско-боярской оппозицией и предполагаемой изменой (~ *опричное управление*). 4. Название особого войска царя Ивана Грозного, одной из задач которого была борьба с княжеско-боярской оппозицией (МАС, т. 2, с. 630) <= древнерусское образование с помощью суффикса *-ина* от *опричьнии* ‘особый’ (КЭСРЯ, с. 311) < 256. *оприч(нин-а)* (ССРЯ, т. 1, с. 699) ≠ бел. *апрычні́на* – 1. Сістэма надзвычайных мерапрыемстваў, ажыццёўленых Іванам IV для разгрому баярска-княжацкай апазіцыі і ўмацавання Рускай цэнтралізаванай дзяржавы (~ *апрычнае ўпраўленне*). 2. Спецыяльнае войска Івана IV, якое высочвала і выкараняла «крамолу» (~ *апрычнае войска*). 3. Землі, якія былі адабраны Іванам IV у баяр і знаходзіліся ў яго кіраванні (~ *апрычныя землі*) (ТСБМ, т. 1, с. 256) < *апрычн-ін-(а)* ← *апрычнік* (ССБМ, с. 40);

в) встретилось русское слово, ранее имеющее членимую основу, образованное суффиксальным способом от прилага-

тельно, но представленное как непроизводное слово с нечленимой основой в современном русском языке, которой в белорусском языке соответствует заимствование из польского языка, являющееся отглагольным суффиксальным дериватом. Модель: рус. $[N \leftarrow \{A\} < / (S) /] \neq$ бел. $[N \leftarrow \{\text{польск. } S_{\text{suf}} \leftarrow V\} < / S_{\text{suf}} \leftarrow V /]$: рус. ветчина (спец. для обозначения различных сортов ветчины) – просоленное копченое мясо свиного окорока (~ ветхое мясо) (МАС, т. 1, с. 159) <= древнерусское образование от ветъхыи – ‘старый’ посредством суффикса -ина: ветъхиина – ветчина после падения редуцированных в силу ассимиляции согласных *т* и *ш*. Ср. свежина (КЭСРЯ, с. 78), древнерусское ветчины и свъжины, часто также ветчина наряду с ветишина, салце ветшиное. Принимая во внимание это старое написание и параллельное образование свежина ‘свежее, несоленое мясо, особенно свиное’ (от свежий), следует признать весьма вероятным объяснение от ветхий (ЭСРЯ, т. 1, с. 307–308), < 170. ветчин(а) (ССРЯ, т. 1, с. 164) $\neq$ бел. вяндліна – вэнджаане прасоленое мяса, сала (ТСБМ, т. 1, с. 600) <= з польскага wędlina ад wędzić (ЭСБМ, т. 2, с. 301) < вянд-лін-(а) $\leftarrow$ вэн-дзіць (ССБМ, с. 83).

II. Отдельно выделена группа собственно-русских универбов, которые в белорусском языке являются заимствованиями из русского языка. В этой группе выделены следующие типы:

1. Русские универбы, исторически образованные на базе адъективно-субстантивного словосочетания с суффиксацией и являющиеся отадъективными производными в современном русском языке; в белорусском языке соответствующие дериваты являются русскими заимствованиями. Модель: рус. $[N \leftarrow \{A + [N] + \text{suf}\} < / S_{\text{suf}} \leftarrow A /]$ – бел. $[N \leftarrow \{\text{рус. } S_{\text{suf}} \leftarrow A + [N] + \text{suf}\}]$: рус. ветрянка² Разг. – ветряная оспа, $\diamond$ ветряная оспа – инфекционная детская болезнь (МАС, т. 1, с. 159) <= собственно-русское, образовано с помощью суффикса -к- на базе фразеологизма ветряная оспа (КЭСРЯ, с. 78) < ветрян-к-а II Оспа $\leftarrow$ ветряный (ССРЯ, т. 1, с. 163) – бел. вятранка Разм. – ветраная воспа (ТСБМ, т. 1, с. 604), $\circ$ ветраная воспа – инфекційная дзіцячая хвароба (ТСБМ, т. 1, с. 484; с. 506) <= утварэнне на базе выразу ветраная воспа шляхам семан-

тычнай кандэнсцыі з суфіксам -к-. Беларускае вятранка, верагодна, з рускай мовы (ЭСБМ, т. 2, с. 332); рус. винтовка – ружье с винтовыми нарезами на канале ствола (~ винтовое ружье) (МАС, т. 1, с. 176) <= собственно-русское, образовано с помощью суффикса -к- на базе словосочетания винтовое ружье (КЭСРЯ, с. 82) < винтов-к(а) $\leftarrow$ винтовой (ССРЯ, т. 1, с. 173) – бел. вінтоўка – ружжо са спіральнай нарэзкай ў канале ствала (~ вінтавое ружжо) (ТСБЛМ, с. 143) <= утворана ад прыметніка винтовой пры дапамозе суфікса -к-. Беларуская лексема запазычана з рускай мовы (ЭСБМ, т. 2, с. 151).

2. Русские универбы, образованные на базе адъективно-субстантивных словосочетаний с суффиксацией с диахронической и синхронической точек зрения, в белорусском языке универб также заимствован из русского языка. Модель: рус. $[N \leftarrow \{A + [N] + \text{suf}\} < / A + [N] + \text{suf} /]$ – бел. $[N \leftarrow \{\text{рус. } S_{\text{suf}} \leftarrow A + [N] + \text{suf}\}]$: рус. антоновка – 2. Крупные ароматные, кисло-сладкие яблоки яблони зимнего сорта, $\diamond$ антоновские яблоки – то же, что антоновка (во 2 знач.) (МАС, т. 1, с. 40) <= собственно-русское, образовалось на основе словосочетания антоновское яблоко посредством суффикса -к(а). Буквальное значение – ‘яблоко из антонова’ (КЭСРЯ, с. 27) < антонов-к-а $\leftarrow$ антонов(ские яблоки) (ССРЯ, т. 1, с. 71) – бел. антонаўка – 2. Плод яблыні, на якой растуць буйныя, жоўтыя віннакіслыя яблыкі (~ антонаўскія яблыкі) (ТСБМ, т. 1, с. 236) <= у рускіх слоўніках з 1843 г., з рускай у іншыя славянскія мовы (ЭСБМ, т. 1, с. 116);

Отдельного внимания требует рассмотрение универбов рус. маковка и макушка – бел. макаўка и макушка, являющиеся полисемичными в двух сопоставляемых языках. Слова рус. маковка 1 $\leftarrow$ (~ маковая коробочка) – бел. макаўка 1 $\leftarrow$ (~ маковая коробочка) исторически образованы на базе адъективно-субстантивного словосочетания с суффиксацией, русская лексема имеет двойную мотивацию (существительным и прилагательным) в современном русском языке и является отсубстантивным образованием в белорусском языке. Модель: рус. $[N \leftarrow \{A + [N] + \text{suf}\} < / S_{\text{suf}} \leftarrow S = A /]$ – бел. $[N \leftarrow \{A + [N] + \text{suf}\} < / S_{\text{suf}} \leftarrow S /]$: рус. маковка – 1. Плод, семенная ко-

робочка мака, имеющая округлую форму (~ *маковая коробочка*) (МАС, т. 2, с. 217) <= собственно-русское, первоначально слово обозначало только головку мака. Отсюда *маковка* ← *маковая головка* (КЭСРЯ, с. 253) < *мак-овк-а* I 1 ← *мак* и *маков-к(а)* I 2 ← *маковый* (ССРЯ, т. 1, с. 566) – бел. *макаўка* – 1. Плод маку – каробачка, дзе знаходзіцца насенне (~ *макавая каробачка*) (ТСБМ, т. 3, с. 87) <= ‘плод маку, галоўка’, у выніку намінацыі з *макавая галоўка*. Да *мак* (ЭСБМ, т. 6, с. 172) < *мак-аўк-(а)* ← *мак* (ССБМ, с. 180). Синонимичные универбы-полисеманты рус. *маковка* 3 ← (~ *маковая головка*) (купол церкви), *маковка* 4, 5 || *макушка* 1, 2 ← (~ *маковая головка*) – бел. *макаўка* 2 ← (~ *маковая галоўка*) (купал царквы), *макаўка* 3, 4 || *макушка* 1, 2 ← (~ *маковая галоўка*), в которых лексемы рус. *маковка* 3, 4, 5 – бел. *макаўка* 2, 3, 4 получили свои значения «на основе сходства предметов по форме или по расположению частей название было перенесено и на другие предметы» (КЭСРЯ, с. 253). Исторически русское слово было производным, имело членимую основу, с позиции синхронного словообразования слово является непроизводным и имеет нечленимую основу, но является отсубстантивным образованием в белорусском языке. Модель: рус. [N <= {A + [N] + suf} < /S/] – бел. [N <= {A + [N] + suf} < /S_{suf} ← S/]: рус. *маковка* – 3. Глава церковного здания (~ *маковая головка*). 4. Разг. То же, что макушка (в 1 знач.) (~ *маковая головка*). 5. То же, что макушка (во 2 знач.) (~ *маковая головка*) (МАС, т. 2, с. 217) <= ‘вершина, макушка, купол’ (КЭСРЯ, с. 253) < 52. *Маковка* II *Купол церковного здания*. Ср. макушка (ССРЯ, т. 1, с. 567) – бел. *макаўка* – 2. Разм. Купал царквы (~ *маковая галоўка*). 3. Верхняя часть, верхушка чаго-н. (~ *макавая галоўка*). 4. Верхняя часть галавы (~ *макавая галоўка*) (ТСБМ, т. 3, с. 87) <= ‘верхняя часть чаго-небудзь (галавы, купала царквы, гары)’ < *мак-аўк-(а)* ← *мак* (ССБМ, с. 180). Рассмотрим универбы рус. *макушка* 1, 2 – бел. *макушка* 1, 2, где ранее русское слово являлось производным, основа была членимая, а с точки зрения синхронного словообразования слово непроизводное с нечленимой основой, как рус. *маковка* 3, 4, 5, *маковка* II (в ССРЯ) – бел. *макаўка* 2, 3, 4 и является отсубстантивным образованием в белорусском языке: рус.

макушка – 1. Верхняя конечность, вершина чего-л. (~ *маковая головка*). 2. Верхняя часть головы (~ *маковая головка*) (МАС, т. 2, с. 218) <= собственно-русское, макушка первоначально обозначало только головку мака. См. маковка (КЭСРЯ, с. 253) < 59. *макушк(а)* ср. маковка II (ССРЯ, т. 1, с. 567) – бел. *макушка* – 1. Верхушка чаго-н., верхавіна (~ *макавая галоўка*). 2. Верхняя часть галавы, макушка (~ *маковая галоўка*) (ТСБМ, т. 3, с. 88) <= ‘верхушка, верхавіна дрэва, гары’, ‘верхняя часть галавы, макушка’. Усходнеславянскае утварэнне (ЭСБМ, т. 6, с. 177) < *мак-аўк-(а)* ← *мак* (ССБМ, с. 180).

III. В некоторых случаях наблюдается отсутствие универбы в русском языке, когда белорусскому универбу в близкородственном языке соответствует словосочетание «прилагательное + существительное» или существительное, не являющееся универбом. Относительно образования отсубстантивных белорусских универбов можно выделить типы:

1. Исторически белорусский универб образован на базе адъективно-субстантивного словосочетания с суффиксацией, а в современном белорусском с позиции современного словообразования является суффиксальным отсубстантивным производным. Модель: рус. [A + N / S] ≠ бел. [N <= {A + [N] + suf} < /S_{suf} ← S/]: рус. *О (носовой платок)* (БРС, т. 2, с. 528) ≠ бел. *насатка* Абл. – *насавая хустачка* (ТСБМ, т. 3, с. 304) <= вынік семантичнай кандэнсацыі спалучэння *насавая хустачка*. Да *нос* (ЭСБМ, т. 7, с. 251) < *нас-атк-(а)* ← *нос* (ССБМ, с. 204), рус. *О (лопата)* (БРС, т. 1, с. 885) ≠ бел. *жалязняк*² Абл. – *Рыдлёўка* (~ *жалезная лапата*) (ТСБМ, т. 2, с. 250) <= утвора на ў выніку кандэнсацыі са спалучэння *жалезная лапата* пры дапамозе суфікса *-як* (ЭСБМ, т. 3, с. 208).

2. Белорусский универб ранее был образован на базе адъективно-субстантивного словосочетания с суффиксацией, а в современном белорусском словообразовании представлен как дериват, образованный приставочно-суффиксальным способом от существительного. Модель: рус. [S] ≠ бел. [N <= {A + [N] + suf} < /S_{pr-suf} ← S/]: рус. *О (скатерть)* (БРС, т. 2, с. 536) ≠ бел. *настольнік* – кавалак спецыяльна апрацаванай тканіны, якой засцілаюць стол;

абрус (~ настольная тканіна) (ТСБМ, т. 3, с. 315) <=> узнікла ў выніку семантычнай кандэнсацыі словазлучэння *настольная скацэрка*. Да *стол* (ЭСБМ, т. 7, с. 257) < *настоль-нік* ← *стол* (ССБМ, с. 205).

IV. Универбы, представляющие собой прямые заимствования, которые делятся на следующие типы:

1. Заимствования из старославянско-го языка в двух языках, где выделяются:

а) универбы, исторически образованные от существительных, имеющие членимую основу, но с позиции современного словообразования слова являются непроизводными с нечленимой основой. Модель: рус. = бел. [N <= {старосл. S + suf} < / (S)]: рус. *глаголица* – одна из двух (наряду с кириллицей) древнейших славянских азбук, отличающаяся от нее формой букв (~ *глаголическая азбука*) (НБТСРЯ, с. 206) <=> заимствовано из старосл., где образовано с помощью суффикса *-ица* от *глаголь* – ‘речь, слово’ (КЭСРЯ, с. 104) < 263. *глаголиц(а)* (ССРЯ, т. 1, с. 220) = бел. *глаголица* – адна з дзвюх азбук старасл. Мовы (~ *глаголичная азбука*) (ТСБМ, т. 2, с. 54) <=> утварэнне ад старасл. *глаголь* ‘слова’ (ЭСБМ, т. 3, с. 91);

б) отсубстантивные универбы с точки зрения диахронического и синхронического словообразования. Модель: рус. = бел. [N <= {старосл. S + suf} < /S_{suf} ← S]: рус. *кириллица* – одна из двух азбук старославянского языка, легшая в основу русского и некоторых других славянских алфавитов (НБТСРЯ, с. 429) <=> заимствовано из старосл., в котором образовано с помощью суффикса *-ица* от собственного существительного *Кирилл* – имени славянского просветителя (КЭСРЯ, с. 195) < *кирилл(-ица-а)* ← *Кирилл* (ССРЯ, т. 1, с. 430) = бел. *кірыліца* – адна з дзвюх стараславянскіх азбук, якая лягла ў аснову рускага, беларускага, украінскага і іншых алфавітаў. [Ад імя славянскага асветніка IX ст. Кірылы, які склаў гэту азбуку] (~ *кірыліцкая азбука*) (ТСБМ, т. 2, с. 689).

2. Слова, образованные от усеченных основ иноязычных прилагательных. В русском и белорусском языках универбы являются непроизводными с нечленимой основой. Здесь выделяются заимствования:

а) из греческого. Модель: рус. = бел. [N <= {греч. A} < (S)]: рус. *каустик* – техническое название гидроокиси натрия, ед-

кий натр. [От греч. *καυστικός* ‘жгучий’] (МАС, т. 2, с. 42) ← ◇ *каустическая сода* – то же, что *каустик* (МАС, т. 2, с. 42) < 335. *каустик* (ССРЯ, т. 1, с. 421) = бел. *каўстык* – тэхнічная назва едкіх шчолачаў. [Ад грэч. *kaustikos* ‘п’якучы’] (ТСБМ, т. 2, с. 666) ← ○ *каўстычная сода* – тэхнічная назва едкага натру (ТСБМ, т. 2, с. 666; т. 5 (1), с. 230);

б) из французского. Модель: рус. = бел. [N <= {франц. A} < (S)]: рус. *нанка* – сорт грубой хлопчатобумажной ткани, чаще желтого цвета, вышедшей теперь из употребления (~ *нанкинская парча*) (МАС, т. 2, с. 375) <=> заимствование из франц. Ткань названа французами *nankin* по имени китайского города Нанкина (КЭСРЯ, с. 282) < 58. *нанк(а)* (ССРЯ, т. 1, с. 652) – бел. *нанка* – сорт грубай баваўнянай тканіны, найчасцей жоўтага колеру (~ *нанкінская парча*) (ТСБМ, т. 3, с. 276).

V. Универбы, прошедшие сложный путь заимствований и пришедшие в русский и белорусский языки посредством языков-посредников. Выделяются следующие случаи:

1. Заимствования из чешского языка посредством польского. В данном случае существительные являются непроизводными с нечленимой основой с позиции синхронного словообразования. Модель: рус. = бел. [N <= {польск. ← чешск. S_{suf}} < / (S)]: рус. *Полька*¹ – 1. Чешский национальный танец, получивший распространение в качестве бального (~ *польский танец*) (НСРЯ, т. 2, с. 209–210) <=> ‘танец’, через посредство польск. из чешск. *půlka* ‘половинка’, корень *půl-* ‘пол’ (КЭСРЯ, с. 353) < 836. *польк(а)* I *Танец* (ССРЯ, т. 1, с. 794) = бел. *Полька*² – танец у хуткім тэмпе, а таксама музыка да гэтага танца (~ *польскі танец*) (ТСБМ, т. 4, с. 290).

2. Французские заимствования, происходящие из латинского, восходящие к греческому первоисточнику, где существительные в иностранных языках и современном русском языке непроизводные с нечленимой основой. Модель: рус. = бел. [N <= {франц. ← лат. ← греч. (S)} < (S)]: рус. *пластика* – 4. Мед. *пластическая операция* (МАС, т. 3, с. 134) <=> заимствовано из франц. Франц. *plastique* из народно-лат. *plastica*, которое, в свою очередь, передает греч. *plastikē* (technē) (КЭСРЯ, с. 341) < 519. *Пластик(а)* (ССРЯ, т. 1, с. 759) = бел. лепшае

выйсце – хірургічная *пластыка* (БНК) ← *пластычная аперацыя* (ТСБМ, т. 4, с. 269).

3. Иноязычные лексемы из *турецкого* под воздействием *французского* и *итальянского* языков, восходящие к *греческому*, где исторически наблюдается *переоформление суффикса, основа* в современном *русском* языке *непроизводная* и *нечленимая*. Модель: рус. = бел. [N <= {тур. ← франц. / ит. ← греч. S_{suf}} < (S)]: рус. *фисташка* – 1. Южное дерево (или кустарник) с перистыми листьями, дающее плоды в виде небольшого ореха ← ◇ *фисташковое дерево* – то же, что *фисташка* (в 1 знач.) (МАС, т. 4, с. 468) <= заимствовано из тур. *fıstık*, но подверглось морфологическому воздействию франц. *pistache* из ит. *pistacchio* (ЭСРЯ, т. 4, с. 197) с переоформлением посредством суффикса *-к(а)* (КЭСРЯ, с. 474). Названия восходят к греч. *πιστάκιον* (ЭСРЯ, т. 4, с. 197) < 198. *фисташк(а)* (ССРЯ, т. 2, с. 311) = бел. *фісташка* – 1. Паўднёвае плодовае дрэва з перыстымі лістамі сямейства сумахавых (~ *фісташкавае дрэва*) (ТСБМ, т. 5(2), с. 137).

VI. Универбы, образованные от *иноязычных словосочетаний*, представляющие собой *кальки*. Можно выделить случаи:

1. С позиции *диахронического* словообразования *русское* слово восходит к *латинскому словосочетанию*, а с точки зрения *синхронического* подхода является *дериватом с двойной мотивацией* и рассматривается как *производное* от *существительного* и от *прилагательного*, соответствующий универб в *белорусском* языке *исторически* восходит к *литовской* кальке. Модель: рус. [N <= {лат. A + N} < /S_{suf} ← S = A/] ≠ бел. [N <= {лит. A + N}]: рус. *медянка*¹ – 1. Неядовитая змея семейства ужей бурого или серо-бурого цвета (~ *медяная змея*) (НСРЯ, т. 1, с. 848) <= ‘змея’ ‘*Coronella austriaca*’. Благодаря медно-красному цвету чешуи некоторых особей (КЭСРЯ, с. 260) < *мед-янк-а* 1 ← *медь*, *мед-янк-а* 2 ← *медяный* (ССРЯ, т. 1, с. 584) ≠ бел. *мядзянка* – 1. Неядавітая змяя бурага або шэрага колеру (~ *медная змяя*) (ТСБМ,

т. 3, с. 190) <= калька лит. *varinis žaltys* ‘медны вуж’ (ЭСБМ, т. 7, с. 5).

2. Универб *русского* языка восходит к кальке *латинского* языка, представленный с позиции *современного* словообразования как дериват, образованный на базе *адъективно-субстантивного словосочетания с суффиксацией*, в *белорусском* языке наблюдается *отсутствие универба*, где русскому универбу соответствует словосочетание «прилагательное + существительное». Модель: рус. [N <= {лат. A + N} < /S_{suf} ← A + [N] + suf] ≠ бел. [A + N]: рус. *копорка*¹ Разг.-сниж. – *копорский чай* (НСРЯ, т. 1, с. 713) <= растение лат. «*Epilobium angustifolium*» ‘кипрей узколистый’, в сушеном виде используется вместо чая, отсюда название *копорский чай* (ЭСРЯ, т. 2, с. 319) < *копор-к-а* ← *копор(ский чай)* (ССРЯ, т. 1, с. 472) – бел. *Ю* (*капорскі чай*) (РБС, т. 1, с. 664).

Заключение

Наблюдение, проведенное за универбами в диахроническом и синхроническом аспектах в русском и белорусском языках, позволяет сделать следующие выводы.

1. Благодаря диахронному и синхронному анализу представляется полная картина происхождения номинаций-универбов, а исследование универбов в диахроническом и синхроническом аспектах помогает раскрыть связи исследуемых слов.

2. При исследовании универбов с позиции диахронического словообразования выявляются истинные исторические связи (в т. ч. утраченные в ходе развития языка), что касается производности слов и членности основ.

3. Универбы в синхронном словообразовании представлены как отсубстантивные и отадъективные дериваты, образованные по регулярным моделям или являющиеся непроизводными, соответственно, результаты диахронического словообразования могут отличаться от результатов синхронического словообразования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

БНК – Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bnkorporus.info/-index.html>. – Дата доступа: 04.05.2021.

БРС – Беларуска-рускі слоўнік : у 3 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2003. – 3 т.

КЭСРЯ – Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский ; под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – 4 т.

НБТСРЯ – Новейший большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. С. А. Кузнецова. – М. ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 1534 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа: 04.05.2021.

НСРЯ – Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз. 2001. – 2 т.

РБС – Русско-белорусский словарь : в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т языкознания. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2002. – 3 т.

ССБМ – Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 413 с.

ССРЯ – Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1990. – 2 т.

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2016. – 967 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т., 6 кн.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 14 т. / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978–2017. – 14 т.

ЭСРЯ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс, 1986–1987. – 4 т.

Бел. – белорусское; **греч./грэч.** – греческое; **ит.** – итальянское; **літ.** – літоўскае; **лат.** – латынское; **польск.** – польское; **рус.** – русское; **старосл.** – старославянское; **тур.** – турецкое; **франц.** – французское; **чешск.** – чешское.

А – прилагательное; **А + [N]** – адьектыўна-субстантывнае словасочетанне; **N** – універб; **S** – существительное; **N1 etc.** – універб на базе многозначности; **N^{1etc}** / **NI etc.** – універб на базе омонимии; **S_{pr-suf}** – приставочно-суффиксальное образование; **S_{suf}** – суффиксальное образование; **suf** – суффикс; **V** – глагол; **(S)** – непроеизводное существительное; **//** – синхроническое словообразование; **{}** – диахроническое словообразование; **||** – синонимичные варианты; **=** – тождество; **≠** – различие; **~** – потенциальное атрибутивно-субстантывнае словасочетанне; **<** – отсылка к словообразованию; **<=** – отсылка к этимологии; **◇/○** – устойчивое сочетание; **Ø** – отсутствие универба.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашанец, А. Універбацыя/універбізацыя: сутнасць паняцця і месца ў тэрмінасістэме словаўтварэння [Электронны рэсурс] / А. Лукашанец // *Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima : zb. radova. Osamnaesta Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. kom. slavista, Sarajevo, 4–7 apr. 2017* / ured. Amela Šehović. – Sarajevo, 2018. – S. 248–263. – Режим доступа: <http://iml.basnet.by/files/files/KSS/Sarajevo%202018.pdf>. – Дата доступа: 09.04.2021.

2. Сидоренко, О. М. Про паняття універбізацыі в сучасному слов'янському мовознавстві / О. М. Сидоренко // *Мовознавство*. – 1992. – № 4. – С. 42–47.

3. Карпіловська, Є. А. Універбацыя в полі іншых спосабів мовной кампрэсіі [Электронный ресурс] / Є. А. Карпіловська // *Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima : zb. radova. Osamnaesta Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. kom. slavista., Sarajevo, 4–7*

apr. 2017 ; ured. Amela Šehović. – Sarajevo, 2018. – S. 169–180. – Режим доступа: <http://www.slavistickikomiteta.ba/Univerbacija/Univerbizacijauslavenskimjezicima.pdf>. – Дата доступа: 09.04.2021.

4. Вештарт, Г. В. Універбізава́ння састаўных найменні ў лексіцы ежы / Г. В. Вештарт // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : тез. докл. респ. конф., Гродно, 26–28 мая 1982 г. : в 2 ч. / редкол.: В. М. Никитевич (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 1982. – Ч. 1. – С. 173–175.

5. Копоть, Л. В. Фитонимы, подвергшиеся универбации: диахронный аспект / Л. В. Копоть // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2014. – Вып. 2 (140). – С. 54–58.

6. Азарх, Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх ; отв. ред.: Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. – М. : Наука, 1984. – 247 с.

REFERENCES

1. Lukashanec, A. Univerbacija/univerbizacija: sutnasc' paniaccia i miesca u terminasistemie slovautvarennia [Elektronny riesurs] / A. Lukashanec // Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima : zb. radova. Osamnaesta Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. kom. slavista, Sarajevo, 4–7 apr. 2017 / ured. Amela Šehović. – Sarajevo, 2018. – S. 248–263. – Riezhim dostupa: <http://iml.basnet.by/files/files/KSS/Sarajevo%202018.pdf>. – Data dostupa: 09.04.2021.

2. Sidorenko, O. M. Pro poniattia univerbizacii v suchasnomu slov'jans'komu movoznavstvi / O. M. Sidorenko // Movoznavstvo. – 1992. – № 4. – S. 42–47.

3. Karpilovs'ka, Ye. A. Univerbacija v koli inshikh sposobiv movnoji kompresiji [Elektronny riesurs] / Ye. A. Karpilovs'ka // Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima : zb. radova. Osamnaesta Međunar. nauč. konf. Komisije za tvorbu riječi Međunar. kom. slavista., Sarajevo, 4–7 apr. 2017 ; ured. Amela Šehović. – Sarajevo, 2018. – S. 169–180. – Riezhim dostupa: <http://www.slavistickikomiteta.ba/Univerbacija/Univerbizacijauslavenskimjezicima.pdf>. – Data dostupa: 09.04.2021.

4. Vieshtart, G. V. Univerbizavanyja sastaunyja najmienni u lieksicy jezhy / G. V. Vieshtart // Slovoobrazovaniye i nominativnaja dierivacija v slavianskikh jazykakh : tez. dokl. riesp. konf., Grodno, 26–28 maja 1982 g. : v 2 ch. / riedkol.: V. M. Nikitievich (otv. ried.) [i dr.]. – Grodno, 1982. – Ch. 1. – S. 173–175.

5. Kopot', L. V. Fitonimy, podviergshijesia univerbacii: diakhronnyj aspiekt / L. V. Kopot' // Viestn. Adyg. gos. un-ta. Sier. 2, Filologija i iskusstvoviedienije. – 2014. – Vyp. 2 (140). – S. 54–58.

6. Azarkh, Yu. S. Slovoobrazovaniye i formoobrazovaniye sushchiestvitel'nykh v istorii russkogo jazyka / Yu. S. Azarkh ; otv. ried.: R. I. Avanesov, V. V. Ivanov. – M. : Nauka, 1984. – 247 s.

Рукапіс надруковано у редакцію 21.09.2021